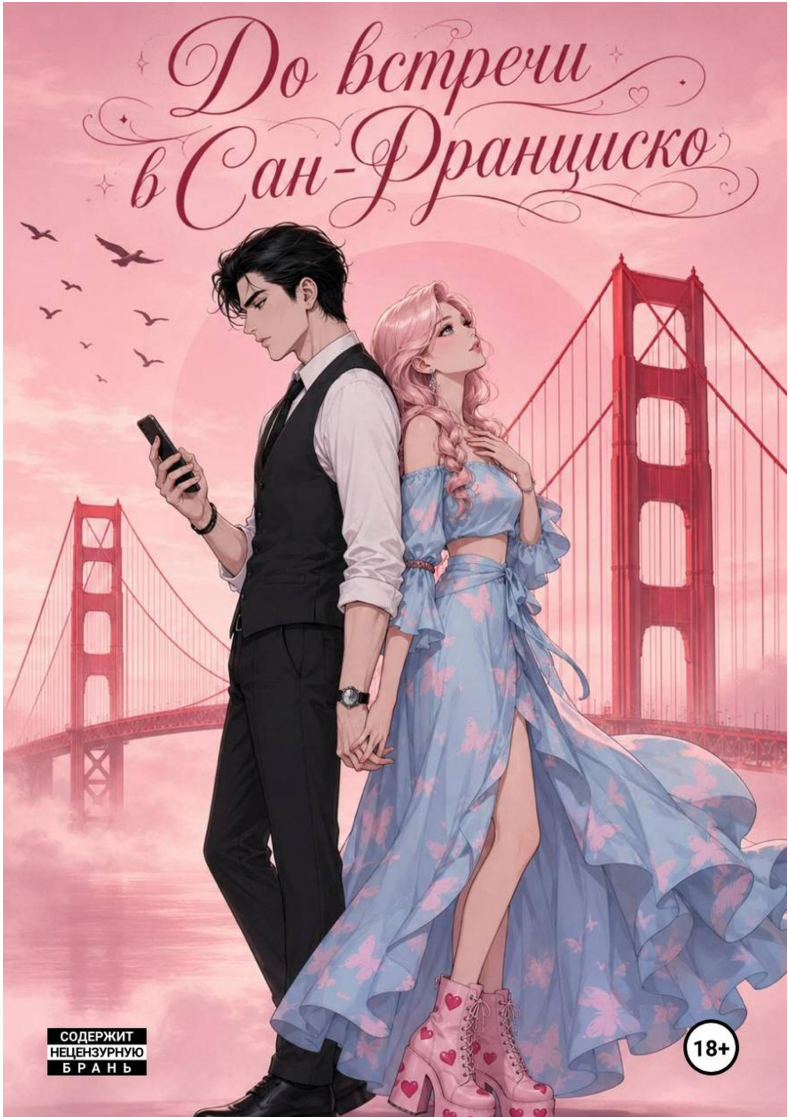
До встречи в Сан-Франциско



Виктория Аксыч

До встречи в Сан-Франциско

https://litres.ru/74711289
SelfPub; 2026

Аннотация

Кайли мечтала о Сан-Франциско столько лет, что переезд туда после окончания университета кажется ей началом той самой жизни, которую она всегда представляла.

Есть только одна деталь, которую Кайли умудряется пропустить мимо ушей: квартира принадлежит старшему брату её подруги и через несколько дней он возвращается в Сан-Франциско.

Эш уже семь лет живёт в Нью-Йорке, привык контролировать собственную жизнь и совершенно не планировал делить дом с незнакомой девушкой. Кайли тоже меньше всего хотела начинать новую жизнь с необходимости подстраиваться под чужие привычки.

Два месяца под одной крышей кажутся не такой уж большой проблемой до тех пор, пока обычное соседство не превращается в бесконечное столкновение характеров и чувств, которых ни один из них не собирался испытывать.

Содержание

Глава 1. Добро пожаловать в новый дом 4
Глава 2. Одна в городе 21
Глава 3. Ночь, которая таит в себе секреты 42
Глава 4. Знакомство 62
Гл 81
Конец ознакомительного фрагмента. 82

Виктория Аксыч
До встречи в Сан-Франциско

Глава 1. Добро пожаловать в новый дом

Сан-Франциско пах свободой. Хотя свобода, наверное, вообще ничем не пахнет и уж точно не должна напоминать смесь солёного воздуха, кофе из маленькой кофейни на углу и нагретого за день асфальта. Но именно такой она оказалась для меня.

Город поднимался вокруг улицами, которые совершенно не собирались лежать ровно. Они карабкались вверх, резко уходили вниз, исчезали за очередным холмом, и временами казалось, что где-то впереди дорога просто закончится, а за последним рядом домов сразу откроется вода.

Мне нравилось абсолютно всё! Даже то, что после двадцати минут прогулки ноги уже начинали напоминать о существовании мышц, которыми я прежде, видимо, пользовалась недостаточно. Я шла рядом с Хлоей, время от времени придерживая розовые волосы, которые ветер упорно бросал мне

на лицо, и старалась смотреть сразу во все стороны. На дома, прижавшиеся друг к другу вдоль улицы, на узкие балконы и большие окна, на деревянные фасады спокойных пастельных оттенков, среди которых попадались голубые, белые, кремовые, розоватые. На металлические пожарные лестницы. На машины, тесно припаркованные вдоль тротуаров, на девушку в огромных наушниках, которая выгуливала сразу трёх собак и каким-то чудом не запутывалась в поводках.

Навстречу проехал автобус. Чуть дальше кто-то громко засмеялся, а из открытой двери кафе потянуло свежей выпечкой. Между домами неожиданно блеснула полоска воды, я остановилась. Просто взяла и остановилась посреди тротуара, заставив какого-то мужчину обойти меня и недовольно пробормотать что-то себе под нос.

Залив отсюда был виден совсем немного — кусочек голубого между зданиями, залитый послеполуденным солнцем, — но мне хватило и этого.

Господи, я действительно здесь! Я вижу этот город не на фотографии в инсте, не в очередном видео, которое смотрела ночью вместо подготовки к экзамену, не на карте, где можно было приблизить нужную улицу двумя пальцами и несколько минут притворяться, что когда-нибудь обязательно окажешься здесь сама. Я стояла в Сан-Франциско! У меня в чемодане лежал диплом, который ещё три недели назад казался самой важной вещью в жизни. А банковском счёте оставалась сумма, способная обеспечить мне пару меся-

цев относительного спокойствия, если я не начну принимать слишком много глупых финансовых решений. Работы у меня не было. Чёткого плана тоже.

И почему-то именно сейчас впервые за последние годы меня это совершенно не пугало.

Мне двадцать два. У меня больше не было расписания занятий на сентябрь, курсовой, которую следовало сдать к пятнице, профессора, способного одним письмом испортить настроение на неделю, и маленькой комнаты в студенческом общежитии, где окно выходило на кирпичную стену соседнего корпуса.

Передо мной лежал целый город. Мой город. Наверное, называть его своим спустя несколько часов после приезда было самоуверенно, но я мечтала об этом месте достаточно долго, чтобы позволить себе хотя бы один день подобной наглости.

Когда мне было шестнадцать, я впервые увидела фотографию Сан-Франциско в старом журнале. Не мост Золотые Ворота и не знаменитые викторианские дома, на снимке была самая обычная улица. Красный автомобиль стоял у тротуара, на первом этаже какого-то здания работала прачечная, через дорогу женщина несла бумажный пакет с продуктами. Ничего выдающегося.

Но за домами виднелась вода. Я почему-то вырезала ту страницу и прикрепила над письменным столом. Мама тогда сказала, что однажды фотография выцветет и она дей-

ствительно выцвела. Сначала красный автомобиль стал почти оранжевым, потом голубая вода потеряла половину цвета, бумага загнулась по краям, но я так и не выбросила её. Даже в университет забрала с собой.

Столько лет мечтать не о человеке, не о профессии и даже не о какой-то определённой жизни.

О городе.

— Знаешь, сейчас я начинаю понимать, почему ты последние пять лет говорила о Сан-Франциско так, словно вас разлучили в детстве, — произнесла Хлоя.

Я оторвала взгляд от воды.

— И всё равно говорила недостаточно убедительно.

Она улыбнулась и поправила ремень сумки на плече.

— Посмотрим, что ты скажешь через пару месяцев. Первые дни любой город умеет производить впечатление, особенно когда тебе не нужно никуда спешить, платить аренду и возвращаться домой с продуктами по этим холмам.

— Даже если я однажды буду проклинать каждый подъём, это не отменяет того, что сейчас я счастлива.

Хлоя засмеялась.

Мы пошли дальше. Стоило свернуть на соседнюю улицу, и город снова немного менялся. Именно это нравилось мне особенно. Несколько кварталов — и другие витрины, другие фасады, другие люди, даже запах воздуха становился немного иным.

За стеклом небольшой лавки стояли старые пластинки.

Рядом продавали цветы, выставленные прямо на тротуар в высоких металлических вёдрах. Из ресторана вышла пожилая пара; мужчина придержал женщине дверь, она сказала ему что-то, чего я не услышала, и рассмеялась, запрокинув голову.

Здесь у всех была своя жизнь. Где-то наверху, за открытыми окнами, люди спорили, готовили еду, складывали бельё, отвечали на рабочие письма, целовались, расставались, заказывали доставку.

Кто-то родился в этом городе и никогда не видел в нём ничего особенного, кто-то наверняка мечтал уехать, а я много лет хотела попасть сюда. Даже странно, насколько несправедливо устроены желания: один человек каждый день проходит мимо того, о чём другой способен мечтать годами.

Мимо нас со знакомым металлическим звоном прошёл канатный трамвай. Я машинально полезла за телефоном.

Хлоя заметила движение и усмехнулась.

— Ты ведь понимаешь, что он не последний?

— Понимаю.

— Тогда зачем фотографировать уже третий?!

— Этот под другим углом!

— У тебя сегодня появились очень убедительные оправдания туриста.

Я всё-таки сделала фотографию.

— Через пару месяцев мне будет смешно пересматривать сегодняшний день.

— Через пару месяцев у тебя в телефоне будет восемь тысяч одинаковых фотографий.

— Значит, выберу лучшие семь тысяч.

Мне хотелось сохранить всё: белые полосы пешеходных переходов, американские флаги над несколькими зданиями, бумажные стаканы с именами, написанными маркером. Даже почтовые ящики возле домов! Наверное, так выглядит исполненная мечта, пока ещё не успела превратиться в повседневность. И мне хотелось запомнить её именно такой.

Первый день.

Когда всё вокруг ещё удивляет. Когда ты не знаешь короткой дороги до магазина и не можешь определить по шуму, какой автобус подъехал к остановке. Когда кафе за углом ещё не стало местом, где делают слишком крепкий латте, а соседний дом — зданием, возле которого каждое утро кто-то неправильно паркуется.

Мне нравилось ничего здесь не знать. Передо мной впервые за долгое время не было готового маршрута. Можно найти работу в какой-нибудь маленькой компании, а через несколько лет оказаться в огромном офисе где-нибудь в центре. Можно познакомиться с людьми, которых сейчас я даже не могла представить. Можно влюбиться. Можно страшно ошибиться. Можно через год собрать чемодан и признать, что Сан-Франциско оказался прекрасной мечтой и совершенно не подошёл для жизни.

Но сегодня я не хотела думать о последнем варианте. Се-

годня мне хотелось любить этот город без всяких условий.

— …так что он решил приехать сам. Думаю, месяца на два, если всё действительно окажется настолько запущено, как он говорит.

Я продолжала смотреть на противоположную сторону улицы.

За большим окном кафе сидела девушка с ноутбуком. Возле её руки стояла кружка, а рядом лежала раскрытая книга.

Вот бы и мне найти такое место... Приходить утром с компьютером, заказывать одно и то же, постепенно познакомиться с бариста настолько, чтобы он перестал спрашивать имя.

На углу был книжный, небольшой, с тёмно-зелёной вывеской, а у входа стоял стол с книгами.

Нужно будет обязательно сюда вернуться. Может, завтра? Нет. Завтра я обещала себе начать искать работу. Послезавтра.

— Кайли! — резкий голос подруги вырвал меня из мыслей. — Ты сейчас вообще слышала хоть что-нибудь из того, что я говорю?

Я моргнула и повернулась к Хлое.

Она остановилась в нескольких шагах от меня.

— Слышу.

— Тогда перескажи хотя бы последнюю минуту нашей беседы.

Я виновато посмотрела на неё, а потом на книжный магазин.

Хлоя проследила за моим взглядом и тяжело вздохнула.

— Я так и знала.

— Прости. Я правда пыталась слушать.

Хлоя покачала головой и снова пошла вперёд.

— Я повторять не буду. Если информация действительно важная, рано или поздно сама вспомнишь.

— Теперь мне даже любопытно.

— Поздно. Нужно было интересоваться две минуты назад, а не заглядываться на пожарный гидрант и думать под каким бы углом его ещё раз сфотографировать.

Я рассмеялась и взяла подругу за руку.

Завтра утром Хлоя улетала в Нью-Йорк, и вот об этом я старалась сегодня не думать.

Всё наше решение казалось идеальным до тех пор, пока мы обсуждали его по телефону. Она получила шестимесячную стажировку, от которой было глупо отказываться. Я закончила университет и всё равно собиралась переезжать в Сан-Франциско. Снимать жильё без работы и стабильного дохода было рискованно, поэтому Хлоя предложила мне пожить у неё.

Сначала на полгода, а потом сказала, что могу оставаться целый год, если понадобится время, чтобы окончательно встать на ноги. Я согласилась быстрее, чем успела придумать хотя бы один аргумент против. В тот момент решение каза-

лось началом взрослой жизни.

Теперь, глядя на город, я впервые почувствовала, что она действительно началась.

Наконец мы добрались до дома. Как только Хлоя открыла дверь, я поняла, что недооценила масштаб жилья.

Хлоя пропустила меня вперёд и спокойно покатила чемодан в сторону гостиной, словно совершенно не замечая, что я застыла на пороге. Квартира оказалась гораздо гораздо больше, чем я представляла по её рассказам. Светлая гостиная переходила в кухню, почти всю дальнюю стену занимали высокие окна, а солнечный свет лежал на деревянном полу широкими тёплыми полосами. Белые стены, светлый диван, длинная кухонная столешница, несколько больших растений возле окон — всё выглядело удивительно спокойно и по-домашнему, без той нарочитой стерильности, которая обычно бывает на фотографиях дорогих квартир. И одновременно до странности знакомо...

Именно такие квартиры я постоянно видела в американских фильмах: просторная гостиная, огромные окна, светлая кухня с островом, холодильник, облепленный фотографиями и магнитами, стеклянный журнальный столик, плед, небрежно брошенный на подлокотник дивана. Только сейчас это уже была не декорация.

На кухонной столешнице стояла забытая чашка. Возле дивана лежала раскрытая книга. На одном из подоконников теснились растения, несколько листьев которых уже начина-

ли желтеть. Здесь действительно жили.

Я медленно прошла внутрь и поставила сумку возле дивана.

— Когда ты говорила, что у тебя есть свободная комната, я почему-то представляла квартиру раза в два меньше.

Хлоя оглянулась через плечо.

— А я должна была прислать тебе план помещения с квадратными метрами?

— Нет, но можно было хотя бы предупредить, что ты живёшь как человек, который тайно выиграл в лотерею и решил никому не рассказывать.

Она усмехнулась и направилась к кухне.

— Разочарую тебя: никаких миллионов у меня нет. Даже квартира не моя.

— Вот теперь стало интереснее.

Я пошла следом и села на высокий стул возле столешницы. Хлоя достала из холодильника две бутылки воды и одну поставила передо мной.

— Она принадлежит Эшу.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы вспомнить.

— Твоему брату?

— Именно ему.

— Я думала, он живёт в Нью-Йорке.

— Он там и живёт. Уже лет семь, наверное. Эту квартиру купил ещё раньше, потом уехал по работе и почему-то так и не продал. Иногда останавливается здесь, когда приезжает в

Сан-Франциско, родители тоже пользовались ею несколько раз. Последние два года здесь живу я.

Я снова посмотрела в сторону гостиной.

Теперь квартира почему-то воспринималась немного иначе. До этого она казалась полностью Хлоиной: её фотографии на холодильнике, книги, кружка возле кофемашины, плед на диване. Мысль о неизвестном хозяине, который в любой момент мог открыть дверь своим ключом, слегка меняла впечатление.

— Он точно знает, что ты разрешила мне здесь жить?

Хлоя нахмурилась.

— Кайли, конечно знает. Я не собиралась тайком заселять тебя в квартиру собственного брата.

— Я просто уточняю. Мне бы не хотелось однажды утром встретить незнакомого мужчину на кухне и выяснить, что для него моё существование стало таким же сюрпризом.

Она на секунду замолчала, но я сразу это заметила.

— Почему у тебя сейчас было лицо человека, который внезапно вспомнил очень важную деталь?

Хлоя посмотрела на меня с искренним недоумением, а потом медленно поставила свою бутылку на столешницу.

— Ты издеваешься? Кайли, я полчаса назад рассказывала тебе именно об этом.

Я нахмурилась.

— О чём именно?

— О том, что Эш приезжает в конце недели!

Я медленно прикрыла глаза.

— Чёрт... те два месяца, о которых ты говорила возле книжного магазина, относились к нему?

— Да. Я минут пять объясняла тебе, что у Эша возникли проблемы с документами на часть имущества и ему придётся какое-то время пожить здесь, пока он всё не уладит. А ты кивала настолько убедительно, что я даже решила, будто до тебя действительно доходит смысл моих слов.

Мне стало по-настоящему неловко.

Хлоя несколько недель помогала мне с переездом, предложила бесплатно жить здесь, пока я буду искать работу, через несколько дней сама уезжала на стажировку и вместо того, чтобы заниматься собственными делами, весь сегодняшний день таскала меня по городу.

А я не могла выслушать её пять минут, потому что увидела красивый книжный магазин.

— Прости. Я действительно тебя не слушала.

— Это я уже поняла.

В её голосе не было настоящей обиды, и от этого мне стало только стыднее.

Хлоя чуть смягчилась.

— Я понимаю, почему ты такая. Ты столько лет хотела сюда переехать, что сегодня у тебя, похоже, окончательно отказала способность воспринимать человеческую речь.

— Это всё равно не оправдание.

— Не оправдание. Но и трагедии пока не произошло.

Главное, чтобы сейчас ты услышала: Эш приезжает в пятницу и, скорее всего, пробудет здесь около двух месяцев.

Я медленно кивнула.

— Значит, почти всё время, пока тебя не будет, я буду жить с твоим братом.

— Получается так.

Мы немного помолчали.

Сама идея не пугала меня, но выглядела куда менее идеально, чем тот план, который все последние недели существовал в моей голове.

Я собиралась остаться здесь одна, спокойно искать работу, привыкать к новой жизни и никому не мешать. Теперь получалось, что большую часть этого времени мне придётся делить квартиру с совершенно незнакомым человеком.

— А раньше нельзя было нас познакомить? Хотя бы по видеосвязи? Всё-таки довольно странно въезжать в квартиру человека, которого я не знаю, а потом ещё два месяца жить с ним под одной крышей.

— Я несколько раз собиралась, но... Эш последние недели почти не вылезает с работы: то у него встреча, то перелёт, то он отвечает мне в три часа ночипо нашему времени. А потом началась вся эта история с твоим выпускным и переездом. В итоге как-то не сложилось. Но о тебе он знает.

— Насколько много?

— Достаточно, чтобы не вызвать полицию, когда обнаружит тебя утром на своей кухне.

Я посмотрела на неё.

— Хочется верить, что ты сформулировала это немного иначе.

— Я сказала, что моя лучшая подруга после университета переезжает в Сан-Франциско, ищет работу и поживёт здесь около года. Эш ответил, что ему будет всё равно ровно до того момента, пока мы не превратим квартиру в общежитие и не заведём собаку.

— Довольно конкретный запрет.

Я улыбнулась, но мысль об Эше никуда не исчезла.

— Он вообще какой?

Хлоя задумалась, не демонстративно, а скорее подбирая слова.

— Нормальный.

— Очень исчерпывающая характеристика.

— А что именно ты хочешь услышать? Он мой старший брат, а не потенциальный сосед, которого я выбирала по объявлению. Мы с ним отлично ладим только на расстоянии. Работает слишком много, самоуверенный сердцеед, бывает занудным. Но в целом с ним вполне можно жить.

Я натянуто улыбнулась.

— Кайли, вам обоим за двадцать. В квартире три спальни, гостиная, два санузла, сад на крыше, рабочий кабинет и библиотека. Сомневаюсь, что за два месяца вы здесь вообще столкнётесь.

— Я тоже на это рассчитываю.

И действительно рассчитывала.

Незнакомый брат подруги не был проблемой, по крайней мере, не такой, о которой стоило переживать сейчас, когда у меня не было даже работы.

Хлоя посмотрела на часы и тихо выругалась.

— Зараза, я совершенно не готова к поездке!

Я сразу встала со стула.

— Показывай, что делать. После того как я пропустила половину твоего рассказа, спорить с поручениями мне вообще не положено.

— Вот это мне уже нравится!

Мы прошли по коридору.

Спальня Хлои располагалась ближе к гостиной, напротив находилась небольшая гостевая, которую теперь собирались отдать мне, а дальняя дверь в третью комнату оставалась закрытой.

Я остановилась возле неё.

— Эша?

— Да. Я туда почти не захожу. Он терпеть не может, когда кто-нибудь трогает его вещи.

— Хорошо, что предупредила.

— Он не устроит скандал, конечно, но потом способен минут двадцать рассказывать, почему вещи должны лежать именно там, где он их оставил.

— Теперь я начинаю понимать, почему ты назвала его занудным.

В спальне Хлои царил тот вид беспорядка, который возникает только перед поездкой.

На кровати лежали стопки одежды, возле шкафа стояли два раскрытых чемодана, а на кресле громоздились куртки и несколько вещей, судьбу которых Хлоя, судя по всему, ещё не решила.

Я присела возле одного из чемоданов.

— Сколько ты собираешься брать?

— В идеале — всё.

— Ты едешь на полгода, а не эмигрируешь навсегда.

— Именно поэтому я пытаюсь убедить себя оставить здесь зимнее пальто.

Я рассмеялась и начала складывать вещи.

Следующие полтора часа прошли неожиданно быстро. Мы спорили о том, нужны ли ей три практически одинаковых чёрных жакета, перекладывали обувь из одного чемодана в другой, дважды пытались закрыть молнию и в итоге снова всё доставали.

Хлоя рассказывала о стажировке, я — о компаниях, куда собиралась отправить резюме. Периодически мы отвлекались на университетские истории, которые слышали друг от друга уже десятки раз, но всё равно продолжали вспоминать.

К вечеру за окнами начал постепенно меняться свет. Я несколько раз ловила себя на том, что отвлекаюсь от одежды и смотрю туда. Город за стеклом медленно становился золотым: солнце опускалось ниже, цеплялось за окна до-

мов напротив, за крыши, за металлические детали пожарных лестниц. На улице зажигались первые вывески, становилось больше машин, прохожие спешили домой после работы. Где-то далеко за домами был океан.

Я сидела на полу среди вещей Хлои и вдруг почувствовала такое спокойствие, какого давно не испытывала. Сегодня утром у меня был чемодан и билет в один конец. Теперь у меня появилась комната в шикарной квартире, город мечты и целый год впереди!

Мне хотелось верить, что самое трудное уже осталось позади: университет закончился, переезд состоялся. И если ближайшие два месяца мне придётся делить эту огромную квартиру с братом лучшей подруги, которого я практически не знаю, ничего страшного. В конце концов, мы оба взрослые люди, нам совершенно не обязательно нравиться друг другу. Достаточно просто не мешать жить.

Глава 2. Одна в городе

Хлоя улетала утренним рейсом, поэтому в аэропорт мы приехали слишком рано даже по моим меркам. Я почти всю дорогу зевала, прижимая к себе стакан кофе, а Хлоя сидела рядом с таким бодрым видом, словно впереди её ждали не шесть часов в самолёте и заселение в новую квартиру, а обычная прогулка по городу.

Только возле терминала её настроение всё-таки изменилось. Она проверила паспорт, потом билет, потом снова паспорт и зачем-то полезла в боковой карман чемодана, хотя прекрасно знала, что туда ничего важного не клала. Я наблюдала за ней со стороны и вдруг поняла, что Хлоя нервничает не меньше меня. Последние недели мы были слишком заняты разговорами о том, как здорово всё складывается, поэтому сам момент её отъезда оставался чем-то далёким. А теперь над нами висело огромное табло с рейсами, из динамиков объявляли посадку, вокруг проезжали чемоданы, и Нью-Йорк перестал быть просто красивым планом. Через пару часов она действительно будет там, а я вернусь в её квартиру одна.

— Ты ведь взяла зарядку от ноутбука? — спросила я, пока мы медленно двигались в сторону зоны досмотра.

Хлоя посмотрела на меня поверх стакана.

— Я начинаю подозревать, что ты пытаешься задержать

меня в Сан-Франциско.

— Вчера ты была уверена, что положила зарядку от телефона, а потом она нашлась под подушкой.

— Зарядка от ноутбука в ручной клади. Паспорт здесь, документы тоже, телефон при мне.

Я улыбнулась, но грусть всё равно осталась. Наверное, именно поэтому мы обе так охотно цеплялись за обычные разговоры. Гораздо легче обсуждать зарядки, чем сказать вслух, что следующие полгода мы не сможем увидеться, просто договорившись встретиться вечером.

Хлоя получила эту стажировку не случайно. Я помнила, как она готовилась к первому собеседованию, как переделывала тестовое задание практически с нуля, потому что в три часа ночи решила, что первая версия недостаточно хороша, как потом несколько дней боялась открыть письмо с ответом. Я знала, насколько ей это нужно, и ни за что не попросила бы её остаться ради меня. Если всё сложится удачно, через полгода она вернётся уже с совершенно другим опытом и, возможно, с предложением о работе, о котором раньше могла только мечтать. Я была рада за неё, но от этого почему-то совсем не становилось легче смотреть на чемодан возле её ног.

— У тебя сейчас такое лицо, словно я навсегда переезжаю на другой континент, — сказала Хлоя, заметив мой взгляд. — Кайли, шесть месяцев пройдут быстрее, чем тебе кажется. Особенно если ты найдёшь работу и новых друзей.

— Знаю. Просто всё так быстро получилось, я только приехала, ещё даже толком не успела привыкнуть к городу, а ты уже улетаешь...

— Зато ты получила квартиру почти в единоличное пользование. Если подумать, я очень хорошая подруга.

Я искренне улыбнулась Хлое. В этот момент Эш вообще казался чем-то неважным, мелкой особенностью моего нового быта, о которой можно будет подумать лишь в пятницу.

Мы дошли до места, дальше которого я пройти уже не могла. Хлоя поставила чемодан рядом и несколько секунд смотрела на меня. Никакой драматичной паузы специально никто не устраивал, но она всё равно появилась. Мне хотелось сказать что-нибудь нормальное, не банальное «удачи» и не очередную шутку, а в голове почему-то не находилось ничего подходящего.

— Ты только не вздумай там испугаться в первую неделю и решить, что совершила ошибку, — сказала я наконец. — Ты слишком долго хотела получить эту стажировку. Даже если вначале всё будет ужасно, дай себе время привыкнуть.

Хлоя улыбнулась.

— С каких пор ты стала настолько разумной?

— Примерно минуту назад. Пользуйся, пока не прошло.

Она подошла и крепко меня обняла. Я уткнулась подбородком ей в плечо и неожиданно почувствовала, как защипало глаза. Плакать не хотелось, потому что ничего плохого не происходило, но, видимо, организму было всё равно, хо-

рошая это разлука или плохая.

— Я буду скучать, — тихо сказала Хлоя.

— Я тоже.

— Но если через неделю окажется, что ты прекрасно живёшь без меня, пожалуйста, хотя бы соври.

— Договорились!

Мы обе засмеялись, окончательно "испортив" момент, и, наверное, так было даже лучше.

Я заставила её пообещать написать после посадки в самолёт, после приземления и желательно ещё тогда, когда она доберётся до квартиры. Хлоя возмутилась, что я веду себя как её мать, но согласилась. Потом взялась за чемодан, несколько раз оглянулась по дороге к досмотру и вскоре исчезла за большой очередью.

Я ещё немного постояла на месте, хотя смотреть уже было не на кого. Вокруг всё продолжалось как обычно: люди обнимались, кто-то торопился, мужчина неподалёку пытался одновременно разговаривать по телефону и удерживать двух маленьких детей возле тележки с багажом. Для всех остальных это было самое обычное утро.

Я допила давно остывший кофе и пошла к выходу. До этого момента Сан-Франциско всё-таки оставался городом Хлои. Она знала, куда ехать, где покупать продукты, в какой кофейне не стоит брать капучино, потому что там почему-то всегда пережигают молоко. Даже в квартире я пока чувствовала себя человеком, которому просто освободили

комнату. После аэропорта всё изменилось неожиданно быстро. Я вернулась домой, открыла дверь своим ключом и впервые услышала настоящую тишину большой квартиры. Не пугающую, просто непривычную. В гостиной осталась чашка Хлои, которую она утром не успела поставить в посудомойку, на спинке дивана висела её кофта, а самой Хлои уже не было в городе.

Я убрала чашку, сложила кофту и какое-то время ходила по квартире, сама не понимая, зачем. Потом открыла ноутбук, собираясь наконец заняться вакансиями. Вчера я сохранила несколько предложений для начинающих дизайнеров и две небольшие студии, куда хотела написать напрямую, даже если открытых позиций у них сейчас нет. Портфолио было готово ещё с университета, но теперь внезапно начало казаться мне недостаточно хорошим. Один проект хотелось убрать, другой переделать, третий вообще собрать заново. Я честно продержалась перед ноутбуком минут двадцать, после чего обнаружила себя на сайте с подержанными автомобилями.

Машина была не первой необходимостью. В Сан-Франциско можно прекрасно жить без неё, и Хлоя успела сообщить мне это несколько раз, когда я ещё до переезда начинала рассуждать о покупке. Но после сегодняшней поездки из аэропорта мне вдруг захотелось иметь что-то своё, пусть старое и недорогое. Возможность утром взять ключи и уехать туда, куда захочется, казалась невероятно привлекательной.

Я поставила ограничения по цене и почти сразу поняла, что мои представления о стоимости автомобилей слегка устарели. Половина объявлений заставляла задуматься, не проще ли купить велосипед, ещё четверть выглядела так, что к цене следовало сразу прибавлять стоимость эвакуатора. Потом среди десятков одинаковых седанов появился серебристый Volkswagen Cabrio конца девяностых. У него была чёрная мягкая крыша, немного потёртый салон и маленькая царапина на двери, которую продавец даже не пытался скрыть на фотографиях. Машина выглядела старой, но не убитой. Скорее такой, которой уже есть что вспомнить.

Я решительно кивнула сама себе, взяла телефон и позвонила по номеру в объявлении. Через полтора часа я стояла на небольшой площадке с подержанными автомобилями и пыталась выглядеть человеком, который хоть что-нибудь понимает в машинах.

Владелец площадки, мужчина лет пятидесяти в выгоревшей бейсболке, быстро разрушил мою иллюзию.

— Первый автомобиль?

— Настолько заметно?

— Вы уже десять минут смотрите на него, но ещё ни разу не заглянули под капот.

— Я... как раз собиралась это сделать.

Он рассмеялся, достал ключи и открыл машину.

Внутри пахло старой кожей, нагретым пластиком и чем-то очень знакомым из детства, когда мама иногда возила ме-

ня на автомобиле дедушки. Салон не выглядел новым даже после уборки, на руле появились мелкие потёртости, а магнитола явно принадлежала другой эпохе. Зато сидеть внутри было удивительно приятно.

Я всё-таки попросила показать двигатель, хотя мало что поняла из объяснений, потом мы прокатились вокруг квартала. Volkswagen не гремел, не дёргался, тормозил там, где от него ожидали, а крыша действительно складывалась без посторонней помощи и молитв. Разум подсказывал поехать домой и подумать хотя бы до завтра. Но мне было двадцать два, я впервые жила в городе, о котором мечтала много лет, и серебристый кабриолет нравился мне настолько, что вся взрослая рассудительность временно куда-то исчезла.

Через сорок минут я держала ключи.

Покупка почему-то не ощущалась торжественной. Я подписала бумаги, ещё раз выслушала предупреждение о том, что возраст машины всё-таки нужно учитывать, перевела деньги и получила несколько документов. Всё. Никто не хлопал, не фотографировал меня возле автомобиля и не выдавал огромный красный бант на капот. Но когда я вышла на стоянку одна и увидела Volkswagen уже не как чужую машину из объявления, а как свою, улыбка появилась сама.

Я открыла водительскую дверь, положила сумку рядом и несколько секунд просто сидела, поглаживая пальцами старый руль. Это была первая крупная вещь, которую я купила полностью сама. Возможно, финансово не самое умное ре-

шение последних месяцев, зато ощущение того стоило.

— Вот зачем ты мне понравилась? — с улыбкой буркнула я. — Боже, я купила машину! — произнесла это вслух и улыбнулась ещё шире.

Крышу я убрала ещё на парковке. Через пару минут пожалела, что не собрала волосы, потому что ветер моментально растрепал розовые пряди и половина из них оказалась во рту. Пришлось остановиться, достать из сумки резинку, потом передумать и оставить всё как есть.

Мне нравилось, что машина была совсем не быстрой, особенно на подъёмах, зато я никуда не торопилась. Первые километры прислушивалась к каждому звуку и нервно следила за приборами, но постепенно расслабилась: город проходил вокруг меня уже не через окно такси. Я сама выбирала улицу, перестраивалась, пропускала автобус, останавливалась на светофоре рядом с мужчиной на мотоцикле. Несколько раз свернула не туда и вместо раздражения только смеялась, когда навигатор в очередной раз начинал перестраивать маршрут.

Ехать домой сейчас совсем не хотелось. Я открыла карту и выбрала пляж. Чем ближе становилось побережье, тем сильнее менялся воздух. Ветер становился прохладнее, в нём появлялась соль, а город постепенно переставал заслонять горизонт. Я уже видела Тихий океан раньше, но никогда не приезжала к нему одна в собственной машине.

Volkswagen я оставила возле Ocean Beach и почти сра-

зу сняла обувь. Песок оказался прохладнее, чем я ожидала. Сверху сухой и мягкий, он легко проваливался под ступнями, а ближе к воде становился плотным, влажным и гладким. Я шла медленно, потому что хотелось рассмотреть всё вокруг. Огромный открытый пляж тянулся в обе стороны, далеко впереди поднимались волны, люди казались маленькими на фоне воды, а ветер без конца перебрасывал волосы с одного плеча на другое.

Океан был совсем не похож на красивую спокойную картинку. Он шумел так, что первые минуты я почти не замечала других звуков. Волны шли одна за другой, собирались в тяжёлые серо-синие гребни, белели на самом верху и с грохотом падали ближе к берегу. Вода быстро растекалась по песку тонким зеркальным слоем, подбиралась к ногам и тут же уходила обратно, оставляя после себя пузырьки пены и длинные влажные полосы.

Залюбовавшись видом, я слишком близко подошла к воде, и первая же волна накрыла щиколотки ледяной водой. От неожиданности я отскочила и выругалась, а потом рассмеялась сама над собой. Калифорния в моей голове всегда была тёплой. Почему-то вместе с пальмами и солнцем воображение автоматически дорисовывало тёплый океан, в который можно спокойно зайти в лёгком платье. Но Тихий океан быстро объяснил мне, насколько мало его интересуют мои представления.

Отходить далеко всё равно не хотелось, от воды пахло со-

лью, мокрым песком и водорослями. Иногда ветер приносил более резкий морской запах, который обычно остаётся на коже после долгого дня у моря. Я вдыхала его полной грудью и вдруг думала о том, что именно этого запаха мне всегда не хватало в городах, где я жила раньше. Даже после нескольких часов возле океана одежда потом пахнет по-другому, волосы становятся жёстче от соли, кожа немного стягивается, а дома ещё долго кажется, что где-то рядом шумят волны.

По пляжу гуляли люди с собаками. Чуть дальше парень в гидрокостюме возился с доской, несколько детей строили что-то из мокрого песка, а женщина сидела на складном стуле с книгой и совершенно не обращала внимания на ветер. Над водой кружили птицы. Я уже собиралась сесть, когда далеко от берега заметила несколько тёмных движущихся точек. Сначала решила, что это птицы опустились на воду, потом один силуэт показался выше и через секунду исчез.

Дельфины!

Они были настолько далеко, что разглядеть их толком не получалось, но ошибиться было трудно. Несколько раз над поверхностью появлялись плавники, потом всё снова становилось пустым. Я почему-то сразу достала телефон, попыталась снять видео, посмотрела на экран и убрала его обратно. На записи всё равно были бы только вода и крохотные чёрные точки. Хлоя права — иногда лучше просто смотреть.

Я нашла место подальше от мокрого песка и села. Ветер здесь чувствовался сильнее, но солнце хорошо грело спину.

Через несколько минут я перестала думать о том, что Хлоя сейчас где-то над страной, о вакансиях, о потраченных на машину деньгах. Я просто сидела возле воды, пропускала песок между пальцами и наблюдала, как одна волна сменяет другую.

Пожалуй, здесь и сейчас я впервые действительно почувствовала, что переехала.

Телефон зазвонил примерно через час. Я достала его из сумки и увидела на экране маму.

Мы не разговаривали с момента моего переезда, если не считать пары коротких сообщений, поэтому я ответила сразу.

— Привет!

— Ну наконец-то! Я уже думала, ты окончательно решила забыть семью после переезда.

По голосу было понятно, что она улыбается.

— Я приехала день назад, мам. Дай мне хотя бы неделю почувствовать себя ужасной дочерью.

— Хорошо, записываю дату. Как ты?

Я посмотрела на океан.

— Отлично. Правда. Сегодня проводила Хлою, потом купила машину и приехала на пляж.

Молчание на том конце заставило меня заранее улыбнуться.

— Что значит «купила машину»?

— Именно это и значит.

— Кайли...

— Не волнуйся, я выбрала старую, чтобы не слишком тратиться.

— Ты сейчас серьёзно?

— Абсолютно. Volkswagen Cabrio. Он старше некоторых моих университетских преподавателей, зато ездит и у него открывается крыша! Я в восторге!

Мама тихо рассмеялась.

— Главное, чтобы он не развалился на первом подъёме.

— Я тоже очень на это рассчитываю, зато теперь смогу спокойно ездить на собеседования. Завтра хочу нормально сесть за портфолио и начать отправлять заявки. Я уже сохранила несколько мест, где ищут дизайнеров, и ещё хочу написать в пару студий напрямую.

— Мне нравится, что ты не откладываешь.

Мама почему-то резко замолчала. Я знала такие паузы, ничего хорошего они после себя не несли.

— Что случилось?

— Ничего не случилось. Просто я хотела с тобой кое о чём поговорить, но не знала, стоит ли делать это сразу после переезда. — мама запиналась.

Она тяжело вздохнула.

— Мы с Полом вчера обсуждали тебя и решили, что после окончания университета будет правильно прекратить регулярные переводы денег.

Я несколько секунд смотрела на воду, не совсем понимая,

почему первое чувство было даже не страхом, а раздражением..

— Это **вы**так решили? Или решил Пол?

— Кайли, пожалуйста, не начинай.

— Мне просто интересно, почему решение о том, помогать тебе своей дочери или нет, ты принимаешь вместе с человеком, который вообще не имеет к этим деньгам отношения.

— Пол мой муж, разумеется, мы обсуждаем семейные расходы.

Эта формулировка раздражала меня ещё сильнее. «Семейные расходы». Получалось, я каким-то образом перестала входить в семью сразу после получения диплома.

Пол появился в маминой жизни четыре года назад и очень быстро освоился в ней настолько хорошо, что временами я сама чувствовала себя человеком, который приходит в гости. Мне никогда не нравилось, как внимательно он относился к её деньгам. Он прекрасно знал, какой доход приносит недвижимость, куда вложены накопления, сколько стоит обслуживание дома, и почему-то всегда имел мнение о любой покупке. Мама называла это ответственностью, я называла это иначе.

— Ты сама захотела прекратить помогать мне? — спросила я.

— Я считаю, что в твоём возрасте уже можно начинать рассчитывать на себя. Мы оплатили университет, помогали

тебе все годы учёбы. Ты получила хорошую профессию: у тебя есть образование, портфолио, теперь ещё и бесплатное жильё на первое время. Это не выглядит как ситуация, в которой мы оставляем тебя без всего.

— Я и не говорю, что вы оставляете меня без всего. Я спрашиваю другое: эта идея появилась у тебя или у Пола?

Мама снова замолчала, и мне уже не требовался ответ.

— Понятно.

— Детка, он не заставлял меня принимать решение, если именно это ты сейчас себе придумала. Мы разговаривали и оба согласились, что постоянная финансовая помощь взрослому ребёнку рано или поздно должна закончиться.

— Удобно, что это произошло как раз после того, как он начал интересоваться твоими расходами ещё больше обычного.

— Кайли, хватит!

— Я же не прошу тебя содержать меня до сорока лет! Но мама, я ведь только переехала, у меня ещё нет работы. Если бы ты позвонила и сказала: «Давай договоримся, что через пару месяцев ты полностью переходишь на свои деньги», я бы поняла. Но ты звонишь на следующий день после моего переезда и рассказываешь, что вы с Полом "посоветовались".

— Всегда найдётся причина подождать ещё немного.

Я сжала в ладони горсть песка.

Возможно, в другой ситуации я даже согласилась бы с ней.

Я действительно закончила университет и собиралась работать. Мне не хотелось просить деньги на одежду, развлечения или аренду до бесконечности, но присутствие Пола меняло всё. Я слишком хорошо представляла, как происходил этот разговор: рассуждения о самостоятельности и мамино постепенное согласие с тем, о чём раньше она вообще не задумывалась.

— Хорошо. Я услышала.

— Не нужно сейчас превращать это в демонстрацию гордости. Если возникнет серьёзная проблема, конечно, я помогу.

— Обойдусь! Раз уж мы решили, что я взрослая, значит, буду взрослой до конца!

Её голос стал холоднее.

— Мне очень неприятно слушать, как ты постоянно пытаешься выставить моего мужа человеком, который живёт со мной из-за денег.

Мне хотелось что-то ответить, но вместо этого я просто попрощалась и завершила звонок.

Телефон ещё несколько секунд оставался у меня в руке. Внутри всё кипело, и одновременно было очень обидно. Не из-за суммы вовсе, которой теперь не будет каждый месяц. Хуже было другое: мама позволяет Полу решать всё больше вещей, которые раньше касались только нас.

Я положила телефон в сумку и пошла к воде. Холодная волна снова накрыла ступни, но на этот раз я даже не отсту-

пила. Постояла так немного, пока пальцы не начали мёрзнуть, потом медленно прошлась вдоль берега. Океан хорошо приводил мысли в порядок хотя бы потому, что рядом с ним трудно долго вариться в собственной злости. Ветер всё время лез в лицо, волны шумели, песок холодил ноги, вокруг бегали собаки, люди разговаривали, дети визжали, убегая от воды. Мир совершенно не собирался останавливаться из-за моего неудачного разговора с матерью.

Через пару часов я уже вспоминала его без желания немедленно перезвонить и продолжить ссору, а потом поняла, что ужасно хочу есть. С утра у меня были только кофе и половина круассана в аэропорту. На эмоциях я об этом забыла, зато теперь желудок решил напомнить обо всём сразу. Я вернулась к Volkswagen, вытряхнула песок из обуви, поднята крышу и нашла на карте супермаркет неподалёку от дома.

К вечеру город снова немного изменился. Свет стал мягче, солнце уже не било прямо в глаза, а дома на подъёмах будто становились теплее. Я всё ещё нервничала за рулём на крутых улицах и особенно не любила моменты, когда приходилось останавливаться на подъёме, но постепенно привыкала к машине.

У супермаркета свободное место нашлось на пригорке, и минут пять я позорно пыталась припарковаться так, чтобы не оставить половину машины на дороге. С третьей попытки получилось вполне терпимо, я даже вышла и посмотрела со стороны, прежде чем доверить кабриолету остаться там без

меня.

Внутри магазина было прохладно, пахло выпечкой и свежими фруктами. Только взяв тележку, я вспомнила, насколько пустой был холодильник дома. Хлоя перед отъездом специально почти ничего не покупала, поэтому пришлось начать с самого обычного: молоко, яйца, масло, хлеб, йогурты, овощи, фрукты, курица, сыр. Потом я решила, что вечером хочу пасту, и вернулась за помидорами, сливками, чесноком, базиликом и пармезаном.

Возле фруктов задержалась у клубники. Она была дороже, чем хотелось бы после сегодняшнего разговора о деньгах, но я всё равно взяла маленькую упаковку. Следом в тележку отправились яблоки, авокадо и бутылка апельсинового сока. Возле кофе я минут десять выбирала между упаковками, потому что понятия не имела, какой Хлоя обычно покупала, а потом решила, что раз уж теперь живу здесь одна, могу наконец выбрать свой.

В отделе со сладостями добавила шоколад, и только возле кассы, рассматривая полную тележку, неожиданно поймала себя на хорошем настроении. Утром я провожала Хлою и боялась, что вечером квартира покажется пустой. Потом купила первую машину, несколько часов сидела у океана, поссорилась с мамой, а теперь стояла в обычном супермаркете и выбирала продукты себе на неделю. В этом было что-то удивительно приятное. Никто не спрашивал, что я собираюсь есть на ужин, не нужно было учитывать чужие планы.

Я сама выбирала кофе, сама решала, покупать ли клубнику, сама платила за всё и сама повезу эти пакеты домой.

К слову, пакеты едва поместились в маленький багажник Volkswagen! Я распределила их так, чтобы ничего не перевернулось на первом же подъёме, и отправилась домой. Место для машины возле дома пришлось искать почти десять минут. Я объехала квартал, потом ещё половину соседней улицы и в итоге нашла свободное пространство между двумя автомобилями. Для моего первого дня за рулём парковка получилась почти идеальной, поэтому я решила не искушать судьбу попыткой поставить машину на десять сантиметров ближе к бордюру.

Домой пришлось идти с пакетами в обеих руках, несколько раз перехватывая ручки, которые больно впивались в пальцы. На подъёме я впервые подумала, что Хлоя была права насчёт покупок и сан-францисских холмов, но признавать это даже мысленно не хотелось. В квартире всё ещё было тихо, однако теперь эта тишина уже не давила. Я поставила пакеты на кухонный остров, сняла обувь и первым делом нашла колонку Хлои. Вчера она показывала, как подключить телефон, но с первого раза ничего не получилось. Потом я случайно включила звук слишком громко, испугалась сама, убавила его почти до минимума и наконец выбрала плейлист. Музыка сразу изменила комнату.

Я открыла окна, чтобы впустить вечерний воздух, разобрала покупки и начала искать всё необходимое для пасты.

Большая кухня по-прежнему была для меня чужой территорией. За сковородой пришлось полезть в три разных шкафа, дуршлаг нашёлся там, где я ожидала увидеть формы для выпечки, а специи Хлоя зачем-то хранила в выдвижном ящике рядом с плитой.

— Очень удобно, — пробормотала я, обнаружив соль только после того, как вода уже закипела.

На сковороде зашипело масло. Я мелко нарезала чеснок, добавила его и сразу почувствовала знакомый тёплый запах, от которого квартира стала немного уютнее. Следом отправились помидоры. Они постепенно размягчались, смешивались с маслом и чесноком, пока я пыталась одновременно следить за соусом и не переварить пасту.

Началась песня, которую мы с Хлоей часто включали в университете. Я машинально стала подпевать. Сначала себе под нос, потом нормально, потому что вокруг всё равно никого не было. Деревянная ложка в какой-то момент превратилась в микрофон, и я, помешивая соус, дошла до припева уже настолько громко, что, возможно, соседи начали жалеть о моём переезде. Но меня это совершенно не волновало.

Я добавила сливки, убавила огонь и натёрла пармезан прямо над сковородой. Часть сыра, конечно, просыпалась мимо. На столешнице лежала открытая упаковка базилика, рядом стоял стакан с соком, который я уже дважды переставляла, потому что он мешал готовить. Волосы пришлось собрать на макушке кое-как, и несколько прядей всё равно выбились

возле лица.

В кухне пахло чесноком, томатами и сыром. Из колонки играла музыка, за окнами постепенно темнело, а со стороны улицы иногда доносились машины и голоса прохожих.

Я попробовала соус прямо с ложки, получилось неожиданно хорошо. Пасту я переложила в сковороду, всё перемешала и сверху добавила ещё пармезана. В холодильнике нашлась открытая бутылка белого вина и я решила, что сегодня её можно официально считать моей.

Есть за столом не хотелось. Я устроилась прямо возле кухонного острова, поджав одну ногу под себя, и несколько минут просто наслаждалась первым нормальным приёмом пищи за день.

Телефон лежал рядом. От мамы сообщений не было. Хлоя прислала фотографию из самолёта и короткое: «Летим. Рядом храпит мужчина».

Я улыбнулась и ответила, что купила машину, но фотографию специально не отправила. Пусть мучается до посадки. Потом снова посмотрела вокруг: утром кухня принадлежала Хлое. Я ещё спрашивала, где лежат тарелки, и боялась случайно воспользоваться чем-нибудь, что лучше не трогать. Наверное, привыкание к новому месту и происходит именно так, незаметно: сначала ищешь выключатель, потом уже в темноте знаешь, где он.

Я доела пасту, отнесла тарелку в раковину и подошла к окну.

Где-то внизу, за несколькими кварталами отсюда, стоял мой старенький серебристый кабриолет. Ещё дальше был океан, возле которого я сегодня просидела половину дня. Завтра мне предстояло открыть ноутбук и всерьёз заняться поиском работы, потому что после разговора с мамой откладывать это стало особенно глупо.

Но сегодня мне больше ничего не хотелось решать. Я прибавила музыку и вернулась на кухню убирать последствия ужина. Первый день без Хлои оказался совсем не таким одиноким, как я боялась утром.

Глава 3. Ночь, которая таит в себе секреты

Я проснулась от вибрации телефона.

Сначала даже не поняла, что именно меня разбудило. В комнате было темно, за шторами едва пробивался оранжевый свет фонаря с улицы, а сознание ещё цеплялось за сон и отказывалось нормально работать. Телефон снова коротко завибрировал где-то рядом с подушкой, потом ещё раз, и только тогда я нащупала его рукой.

На экране было несколько новых сообщений.

Билл.

Я несколько секунд просто смотрела на имя, пытаясь понять, почему оно вообще ещё появлялось на моём телефоне.

Было почти три часа ночи.

Последнее нормальное сообщение от Билла я получила больше месяца назад и тогда достаточно ясно объяснила, что разговаривать нам больше не о чем. Он периодически пытался писать снова — сначала длинные извинения, потом что-то совершенно обычное, словно между нами ничего не произошло, затем фотографии из мест, куда мы когда-то ходили вместе. Я не отвечала. Кажется, молчание должно было быть достаточно понятным ответом, но сегодня Билл, судя по количеству уведомлений, решил иначе.

Я открыла чат и закатила глаза, увидев три голосовых и простое сообщение:

«Пожалуйста, просто послушай».

Я устало провела ладонью по лицу и всё-таки нажала на первое голосовое.

— Кайли… — голос у него был хриплый и заметно пьяный. Где-то на заднем плане играла музыка, слышались чужие разговоры. — Я знаю, что ты не хочешь со мной говорить. Знаю. Но я просто… я сегодня думал о тебе. Опять. Постоянно думаю, если честно.

Я поморщилась. Вот почему бывшие почти всегда выбирают ночь и алкоголь, чтобы внезапно стать очень искренними?

Во втором сообщении он говорил уже громче, периодически сбиваясь и повторяя слова.

— Я был идиотом. Я правда был идиотом, Кайли. Я всё испортил. Я знаю, что испортил. Но люди же ошибаются, понимаешь? Я скучаю. Я скучаю по тебе настолько, что иногда просто… не знаю, что делать. Я бы всё исправил, если бы ты позволила. Вообще всё. Я бы сделал по-другому.

Третье я сначала даже не хотела включать, но она начало проигрываться автоматически вслед за вторым.

— Я люблю тебя. Всё ещё люблю. И я понимаю, что не имею права это говорить после того, что сделал, но это правда. Давай хотя бы поговорим. Я прилечу в Сан-Франциско, если ты скажешь. Я хочу, чтобы мы снова были вместе.

Я раздражённо закатила глаза и бросила телефон рядом.

Люблю. Как удобно. Особенно если учитывать, что это совершенно не мешало ему несколько месяцев спать с другой! Но самое противное было в том, что до всей этой истории Билла даже нельзя было назвать плохим парнем.

Мы познакомились на втором курсе. Он сидел через несколько мест от меня на общей лекции и однажды попросил ручку, которую потом почему-то носил с собой почти неделю, пока я не потребовала вернуть. После этого предложил кофе в качестве компенсации за незаконное присвоение чужого имущества.

Всё началось совершенно обычно. Сначала кофе между занятиями, потом совместные обеды, переписки до глубокой ночи. Он встречал меня после пар, приносил еду, когда я по несколько дней сидела над проектами, терпел мои истерики перед сдачей работ и каким-то образом запоминал даже вещи, которые я говорила между делом. Если я вскользь упоминала, что люблю определённый шоколад, на следующий день он оказывался у меня на столе. Когда перед важной презентацией я почти не спала двое суток, Билл приехал утром с кофе, заставил меня нормально позавтракать и сидел в коридоре всё время, пока я защищала проект.

На день рождения он подарил мне старое издание книги по дизайну, которое я полгода искала по магазинам. Мне казалось, что именно так и должны выглядеть хорошие и здоровые отношения. Без вечной драмы, без бесконечных рас-

ставаний и примирений, без необходимости угадывать, что другой человек на самом деле думает. Мы прожили вместе почти два года. И, возможно, именно поэтому момент, когда всё разрушилось, до сих пор вспоминался настолько ясно...

Это произошло после весенних каникул. Я должна была вернуться в университет в воскресенье вечером, но поменяла билет и приехала на день раньше. Хотела сделать Биллу сюрприз. Сейчас даже смешно вспоминать, насколько довольна я была собственной идеей.

Я купила по дороге его любимую еду, поднялась к квартире и открыла дверь запасным ключом.

Сначала услышала музыку, потом женский смех. Я ещё не подумала ничего плохого, ведь у Билла часто собирались друзья, иногда кто-то из однокурсников приходил делать совместные проекты. Я даже успела решить, что, наверное, опять сорву их вечер своим неожиданным возвращением.

Потом увидела на полу возле дивана знакомую женскую сумку, она принадлежала Мэдисон с нашего курса. В тот момент внутри что-то неприятно кольнуло, хотя разум всё ещё пытался подобрать нормальное объяснение. Я прошла дальше. Дверь спальни была приоткрыта, смех сменился глубокими стонами. Я осторожно заглянула через дверную щель и увидела Мэдисон, сидевшую на Билле верхом! Их одежда валялась возле кровати. Мэдисон извивалась, стонала, лаская себя за соски, а Билл держал её за ягодицы настолько

увлечённо, что ни один из них даже не услышал, как я вошла.

Несколько секунд я просто стояла. Не кричала, не плакала, даже дышала совершенно нормально. Кажется, мозгу иногда требуется время, чтобы принять очевидное.

Первой меня заметила Мэдисон. Она повернула голову, и выражение её лица изменилось мгновенно. Билл обернулся следом. Я до сих пор помнила его взгляд и то совершенно идиотское:

— Кайли, подожди… ты всё не так поняла!

Меня это даже не удивило, секс между двумя людьми и правда ведь можно не так понять. Возможно, они просто вместе делали практическое задание по анатомии, а я тут себе напридумывала уже! Ха-ха...

Я тогда просто бросила пакет с едой на пол и вышла. Билл догнал меня уже возле лестницы, натягивая на ходу джинсы и продолжая повторять, что всё объяснит. Я не хотела слушать. Наверное, если бы он честно сказал, что это произошло один раз, я всё равно бы ушла, но спустя несколько дней выяснилось, что даже это было бы ложью.

Их роман продолжался вот уже несколько месяцев...

Мэдисон почему-то решила, что мне необходимо знать детали, и прислала длинное сообщение, где объясняла когда они начали встречаться, где, как часто и какие вещи Билл рассказывал ей обо мне.

Самым унизительным оказалось даже не то, что он изменял, а то, насколько долго я ничего не знала. Все те вечера,

когда он "задерживался на занятиях", все внезапные планы и сообщения, на которые отвечал только через несколько часов, я принимала за обычную жизнь человека, которому доверяла.

И именно поэтому его сегодняшнее «я люблю тебя» вызывало во мне не грусть, а раздражение. Пока я ковырялась в соцсети, Билл успел написать ещё одно сообщение:

«Я могу всё исправить».

— Нет, не можешь, — тихо сказала я в темноту.

Открыла его профиль и нажала «заблокировать».

Несколько секунд смотрела на экран, будто ожидала почувствовать хоть что-нибудь особенное, но...

Ничего.

Только усталость.

Я положила телефон на тумбочку, перевернулась на другой бок и закрыла глаза. Только вот сон, разумеется, исчез. Первые минут десять я пыталась лежать спокойно. Потом поправила подушку. Перевернулась на спину. Снова на бок. Натянула одеяло до подбородка, через минуту отбросила его, потому что стало жарко.

В голове почему-то крутились не голосовые Билла, а старые мелочи, которые я совсем не хотела вспоминать. Его кухня в общежитии, его ладонь на моей спине, поездка за город на третьем курсе и то, как мы выбирали диван в его первую нормальную квартиру.

Через полчаса я окончательно сдалась и встала. Пол в ко-

ридоре оказался холодным, поэтому пришлось нащупывать тапочки уже возле двери. В квартире стояла тишина. Даже улица за окнами почти успокоилась, только где-то далеко проехала машина.

На кухне я не включала основной свет, ограничившись маленькими лампами над столешницей. Налила воды, сделала несколько глотков и прислонилась бедром к кухонному острову.

В холодильнике тихо работал компрессор.

На часах было 3:26.

— Отлично, — пробормотала я.

Возвращаться в постель всё равно не хотелось.

Я открыла холодильник, хотя есть не собиралась, посмотрела на продукты, закрыла обратно. Потом почему-то проверила сообщения от Хлои. Она несколько часов назад написала, что добралась до Нью-Йорка и завтра позвонит.

— Ладно, Кайли, надо включить какой-нибудь фильм на фоне и сон сам придёт.

Я уже собиралась вернуться в свою комнату, когда взгляд остановился на двери в конце коридора.

Комната Эша. Вчера Хлоя отдельно предупредила меня, что её брат не любит, когда кто-нибудь трогает его вещи. Я прекрасно это помнила и, более того, полностью с ним соглашалась. Я сама терпеть не могла, когда чужие люди без разрешения лезли в мои шкафы. Поэтому совершенно логичным решением было просто пройти мимо.

Я сделала несколько шагов и остановилась, снова посмотрев на дверь.

Вообще-то я собиралась жить с этим человеком два месяца, а не знала о нём практически ничего! Хлоя рассказала только, что он много работает, любит порядок и иногда бывает занудным. Но мне нужен чёткий психологический портрет. А вдруг он действительно какой-нибудь псих?

Мне стало смешно от собственной мысли. Хотя… Я снова посмотрела на дверь уже внимательнее.

Может, там у него коллекция ножей? Или фотографии бывших девушек на стене с зачёркнутыми лицами? Или какие-нибудь странные БДСМ-приспособления! Или вообще... крюки для жертв!

Последний вариант заставил меня самой покачать головой.

— Кайли, тебе нужно меньше смотреть криминальных сериалов.

Я сделала ещё шаг к своей комнате, а потом опять посмотрела назад.

Если так подумать, один быстрый взгляд никому не повредит.

Я не собиралась рыться в документах или открывать ящики. Просто посмотреть, как выглядит комната человека, с которым скоро придётся делить квартиру. Исключительно ради собственной безопасности!

Это объяснение оказалось настолько удобным, что я ре-

шила больше его не анализировать. Я подошла к двери на цыпочках, хотя в квартире никого не было и даже при желании поймать меня было некому. Рука легла на прохладную металлическую ручку. На секунду я всё-таки остановилась: это было неправильно. Совершенно очевидно, что это неправильно! Или...

Потом нажала и дверь открылась.

— Серьёзно? Почему-то я ожидала замка.

Комната встретила меня темнотой. Я нашла выключатель возле стены и включила только небольшой свет.

Первое, что я поняла: Хлоя очень сильно преуменьшила размеры квартиры — комната Эша была огромной! Нет, скорее это отдельное жилое пространство внутри квартиры, чем обычная спальня. Помимо большой кровати здесь находилась зона отдыха с кожаным диваном, низким столом и огромным телевизором на противоположной стене. Возле окна стояло тёмное кресло, рядом высокий торшер. Несколько источников света были встроены прямо в стены, поэтому комната даже ночью не казалась холодной.

Цветов почти не было: тёмное дерево, серый, чёрный, глубокий коричневый. Постельное бельё однотонное, плотное, без каких-либо узоров. Никаких случайных ярких вещей, сувениров из туристических лавок или бессмысленных украшений. Зато практически каждый предмет здесь выглядел дорого. Не показательно дорого, когда человек специально расставляет по комнате вещи так, чтобы любой гость сразу

увидел цену. Скорее просто... качественно.

Большой кожаный диван был уже немного потёрт на одном подлокотнике, но кожа оставалась мягкой и красивой. На столе стояла тяжёлая металлическая лампа. Возле телевизора находилась игровая приставка и аккуратно сложенные контроллеры.

— Значит, всё-таки человек, — тихо заметила я.

Почему-то после рассказов Хлои я ожидала увидеть комнату мужчины, который отдыхает исключительно за чтением финансовых отчётов.

На одной из полок стояли несколько небольших статуэток, не одинаковых и явно не купленных одним набором. Бронзовая фигура лошади, маленькая чёрная птица из какого-то тяжёлого камня, абстрактная металлическая композиция, назначение которой я совершенно не понимала.

Трогать ничего я не стала. Вообще старалась держать руки при себе, ведь любопытство любопытством, а оставлять следы проникновения не хотелось.

Гардероб занимал почти целую стену. Одна из дверей оказалась немного приоткрыта, поэтому заглянуть внутрь можно было даже без нарушения очередной моральной границы.

Я подошла ближе: много костюмов, свитеров, и все они выглядели так, словно стоили больше моего старенького Volkswagen. Несколько пиджаков, рубашки, пальто, идеально развешенные по оттенкам. Я узнала пару брендов почти сразу, потому что во время учёбы делала проект для модного

журнала и несколько недель изучала люксовые марки. Tom Ford, Brunello Cucinelli, Saint Laurent.

Внизу стояли коробки с обувью, я тихо присвистнула:

— Ладно, Хлоя, могла бы и уточнить, что твой брат слегка помешан на моде.

Хотя «помешан» было несправедливо.

Вещей было много, но ни одной кричащей. Никаких огромных логотипов, золотых пряжек размером с ладонь или обуви, которая создана исключительно затем, чтобы окружающие поняли её стоимость. Эш явно любил красивые вещи и, судя по всему, умел их выбирать.

Это мне понравилось, потому что вкус у человека либо есть, либо нет. У Эша он сто процентов был. Я закрыла дверцу гардероба ровно так, как она стояла до меня, и пошла дальше.

Возле дальней стены обнаружился книжный стеллаж почти до потолка. Вот это заинтересовало меня намного сильнее одежды и я подошла ближе.

Книги были настоящими, не теми декоративными одинаковыми томами, которые дизайнеры ставят в интерьерах ради красивого кадра. Некоторые корешки заметно потёрлись, а в нескольких местах торчали закладки.

Хемингуэй, Фицджеральд, Оруэлл, Достоевский, Оскар Уайльд. Несколько биографий художников, архитекторов и музыкантов. Книги по истории, пара толстых изданий об искусстве.

Я наклонила голову.

— Так. Уже интереснее.

Хлоя говорила, что Эш много работает, но почему-то не упоминала, что он читает половину университетской программы мировой литературы по собственному желанию.

Я пробежалась глазами по названиям ещё раз: несколько книг были на французском, одна на итальянском. Либо Эш знал языки, либо просто очень любил покупать книги, которые не способен прочитать. Оба варианта пока оставались возможными.

Рядом со стеллажом я заметила проигрыватель виниловых пластинок. Сначала даже не обратила на него внимания, потому что он прекрасно вписывался в интерьер, но потом увидела длинный ряд пластинок в отдельной низкой тумбе. Я присела рядом и стала рассматривать обложки, осторожно проводя взглядом по корешкам.

Frank Sinatra, Louis Armstrong, Nat King Cole, несколько альбомов Elvis Presley.

Дальше обнаружились старые джазовые сборники, классическая музыка и ещё исполнители, имена которых я знала исключительно благодаря маме.

Я удивлённо подняла брови.

— Сколько тебе вообще лет, Эш?

По моим представлениям, старший брат Хлои должен был быть мужчиной чуть за тридцать, а его музыкальная коллекция выглядела так, словно он родился где-нибудь в сороко-

вых и случайно дожил до нашего времени.

Самое странное — пластинки не выглядели декоративными. Некоторые конверты были заметно потрёпаны по краям, проигрыватель стоял подключённым, а рядом лежала маленькая щётка для пластинок. Он действительно это слушал.

Мне всё сильнее хотелось наконец увидеть человека, которому принадлежала эта комната. Пока получался очень странный набор и составить из этого нормальный портрет Эша у меня не получалось.

Я знала только, что он, скорее всего, обеспечен. Или как минимум зарабатывает достаточно, чтобы не задумываться перед покупкой пальто стоимостью в несколько моих месячных бюджетов. Но сам по себе этот факт ничего о нём не говорил. Гораздо интереснее было другое: он явно выбирал вещи не случайно. Даже в комнате не было ощущения, что интерьер однажды полностью придумал дизайнер, а хозяин просто въехал и ничего не менял. Здесь чувствовался конкретный человек, только какой именно — я пока не понимала.

На противоположной стороне комнаты оказалась ещё одна дверь, это оказался балкон. Я приоткрыла её и сразу почувствовала прохладный ночной воздух и вышла наружу. И замерла.

Отсюда был виден мост Золотые Ворота! Не полностью, часть скрывалась за зданиями и ночной дымкой, но я всё равно узнала его моментально. Красные опоры подсвечива-

лись огнями, по мосту двигались маленькие белые и красные точки машин, а за ним темнела вода.

Город ночью выглядел совсем не так, как днём: тише, мягче. На холмах горели тысячи окон. Где-то ниже тянулись улицы, по которым ещё ехали машины. Вдалеке мерцали огни, отражаясь в тёмной воде.

Я облокотилась на перила и ветер сразу полез в волосы. И снова появилось то самое чувство, которое преследовало меня последние дни: я действительно здесь. Сколько бы раз я ни повторяла это про себя, привыкнуть пока не получалось. Сан-Франциско долгие годы существовал для меня в фотографиях, фильмах, сохранённых картинках и планах «когда-нибудь». Теперь этот «когда-нибудь» был за окном.

Я не знаю, сколько простояла на балконе — минут пять, может, пятнадцать. Ночью время вообще ощущалось странно. Потом стало холодно, и я вернулась внутрь. Комната Эша снова встретила меня тёплым приглушённым светом.

Я ещё раз посмотрела вокруг.

Что я узнала? Да практически ничего! Человек любит дорогую одежду, хорошую литературу, старую музыку, игры и красивый интерьер.

Из этого можно было собрать десяток совершенно разных мужчин! Высокомерного сноба, тихого интроверта, разбалованного богача, трудоголика, очаровательного бабника или же всё сразу. Хлоя упоминала, что женщины возле Эша долго не задерживаются, поэтому последний вариант тоже вполн-

не подходил.

Я усмехнулась.

— Ну, по крайней мере, крюков для жертв пока не обнаружилось.

Я подошла к кровати. Она была огромной, аккуратно застеленной, с несколькими подушками возле изголовья. Я собиралась просто немного посидеть и ещё раз рассмотреть комнату, поэтому опустилась на край матраса, и вдруг подо мной что-то хрустнуло.

Я тут же вскочила.

— Чёрт! Села прямо на пульт!

В ту же секунду телевизор на противоположной стене включился.

Экран загорелся ярким светом, на несколько секунд появилось меню, а затем помещение неожиданно наполнили женские стоны. Я медленно подняла глаза на телевизор и застыла.

На экране парень развёл ноги девушки и опустился лицом между бёдер. Та запрокинула голову, пальцы вцепились в простыни, и её стоны стали громче — прерывистые, с придыханием. Камера крупно показала, как его язык касается клитора: медленно, по кругу, то надавливая, то едва скользя. Девушка выкрикнула что-то несвязное, а затем снова откинула голову назад.

— Господи…

Я схватила пульт, нажала одну кнопку, вторую, звук толь-

ко стал громче.

— Нет-нет-нет!

Я торопливо уменьшила громкость почти до нуля и только после этого заметила кнопку паузы. Экран замер и в комнате снова стало тихо.

Я сидела на краю чужой кровати с пультом в руке и смотрела на замерший кадр. Потом перевела взгляд на идеально аккуратную комнату Эша: книжный шкаф, проигрыватель, коллекцию старого джаза.

И снова на экран.

— Значит, Достоевский, Синатра и это, — пробормотала я. — Очень многогранная личность.

Уйти следовало немедленно! Вообще-то уйти следовало ещё раньше, желательно в тот момент, когда я впервые подумала открыть дверь. Но ночное любопытство явно плохо влияло на способность принимать нормальные решения.

Я положила пульт рядом, поднялась и, сделав два шага, остановилась. Наверное, виноват был Билл. По крайней мере, мне очень хотелось обвинить именно его. Его пьяные голосовые среди ночи вытащили наружу слишком много воспоминаний, среди которых оказались не только злость и унижение. Как бы сильно мне ни хотелось вычеркнуть последние два года целиком, организм почему-то не собирался разделять людей на хорошие и плохие воспоминания так же легко, как это делала голова.

Я повернулась к телевизору.

Нет, глупость! Каким образом обычная бессонница привела меня в спальню незнакомого мужчины к остановленному фильму для взрослых?

Я шагнула к двери, а потом услышала собственный смешок.

— Да кого я обманываю?

Любопытство уже победило меня один раз сегодня и я вернулась к кровати.

В квартире никого, Эш появится только через несколько дней, а Хлоя сейчас вообще на другом конце страны. Никто никогда об этом не узнает.

Последний аргумент оказался самым опасным.

Я снова включила фильм и заворожённо уставилась на лицо актрисы — закрытые глаза, полуоткрытый рот, капельки пота на висках. Парень работал языком всё активнее, а стоны нарастали, переходя в сбивчивое умоляющее «пожалуйста, не останавливайся». Первые минуты я смотрела скорее из любопытства и даже с лёгкой насмешкой. Некоторые моменты выглядели настолько постановочно, что хотелось закатить глаза, и я уже собиралась окончательно выключить экран. Но постепенно я перестала обращать внимание на нелепые детали. Свет от телевизора мягко скользил по тёмной комнате, с балкона тянуло прохладой, а тишина квартиры делала каждый звук очень отчётливым.

Через несколько минут я поймала себя на том, что дышу немного чаще. В этот момент парень на экране усадил де-

вушку себе на лицо и языком активно ласкал клитор. Его руки скользнули ей на грудь, нащупали набухшие соски и пальцы принялись перебирать их между собой. Девушка взяла руку парня, поднеся его пальцы к своему рту, облизала их, тем самым обильно смочив, а затем вернула обратно на сосок.

Я сглотнула. Внутри меня разлилось странное, пульсирующее тепло. Я почувствовала, как низ живота сжимается, а между ног становится влажно. Пальцы сами собой потянулись к губам — я облизала два пальца, медленно, тщательно, не отрывая глаз от экрана, где парень погружался в ритм, а девушка уже дрожала, вцепившись в его волосы. Я скользнула рукой под резинку трусиков — ткань была влажной, кожа горячей. Подушечки нащупали клитор, и я повторила движения парня: круговые, мягкие, то ускоряющиеся, то замирающие. Я закрыла глаза, невольно представляя, что же вытворял здесь Эш.

Я двигала рукой в такт с ритмом фильма, чувствуя, как внутри нарастает тугой, сладкий ком. Парень на экране ускорился, а девушка стонала всё громче, её голос поднимался выше, срываясь на вскрики, перемежаясь сбивчивым дыханием. Я ускорилась вместе с ними, чувствуя, как внутри нарастает напряжение, как мышцы сжимаются всё сильнее. «Да… да… да…» — выкрикивала она, и я выдохнула вместе с ней, двигая пальцами быстрее, чувствуя, как волна поднимается из самого низа живота, как всё тело наливается жа-

ром. Я стиснула зубы, прогибаясь на кровати, чувствуя, как мышцы сокращаются волнами, как по телу пробегает дрожь. Когда актриса выгнулась, сотрясаясь в оргазме, я кончила следом — тихо, закусив губу до боли, с затаённым, рваным выдохом, чувствуя, как пальцы намокают, как сердце колотится где-то в горле.

Я ещё несколько секунд лежала неподвижно, глядя в потолок, пытаясь отдышаться. Потом я протянула руку к пульту, нашарила его, нажала красную кнопку. Экран погас, и воцарилась тишина, нарушаемая лишь моим сбитым дыханием и гулким стуком сердца, которое никак не хотело успокаиваться.

Мне вдруг стало смешно от самой ситуации: если Хлоя когда-нибудь узнает, как именно я провела ночь после её отъезда, я просто сменю имя и перееду в другой штат! Я повернулась на бок и подложила ладонь под щёку. Покрывало оказалось прохладным, но быстро нагрелось от тела. Следовало подняться, поправить всё, выключить свет и вернуться к себе, пока мне не пришла в голову ещё какая-нибудь блестящая идея. Например, открыть шкаф Эша и начать оценивать его нижнее бельё.

От этой мысли я тихо усмехнулась и прикрыла глаза. Всего на минуту. Мысли ещё некоторое время лениво цеплялись друг за друга, но потом сон пришёл слишком быстро. Последнее, что успела заметить, — мягкий свет торшера и угол тёмного книжного стеллажа напротив.

А потом я уснула.

Глава 4. Знакомство

Проснулась я не сразу. Сначала просто почувствовала, что лежу как-то непривычно: матрас был мягче моего, подушка пахла не моим шампунем, а чем-то древесным и прохладным, а свет из окна падал совершенно не с той стороны. Я ещё несколько секунд лежала с закрытыми глазами, лениво пытаясь понять, почему собственная спальня за одну ночь решила поменять расположение мебели, и только потом память услужливо вернула всё разом.

Грёбанный, это ведь комната Эша!

Я широко открыла глаза и уставилась в потолок.

— Нет… чёрт!

Воспоминания о прошлой ночи возвращались очень подробно и совершенно не собирались щадить моё достоинство. Щёки моментально вспыхнули!

То, чем закончилась моя затянувшаяся «разведка», вспоминать хотелось ещё меньше.

Мне было двадцать два года, я давно не считала собственные желания чем-то постыдным и совершенно точно не собиралась краснеть из-за самого факта, что могу возбудиться. Но одно дело — заниматься своими делами в собственной спальне, и совсем другое — сделать это после просмотра чужого порно, в постели мужчины, которого ты даже не видела, после чего ещё и уснуть там до утра. Я резко села.

Сколько сейчас вообще времени? Ох, телефон остался в моей комнате.

Я быстро огляделась. Комната выглядела так же аккуратно, как ночью, если не учитывать слегка помятое покрывало. Я вскочила, поспешно расправила ткань ладонями, поправила подушку и замерла, понимая всю бессмысленность происходящего. Если человек умеет определять по складкам на покрывале, что в его кровати незаконно спала незнакомая девушка, то Эшу оставалось только пожелать успешной карьеры в криминалистике.

Я выбежала из комнаты и тихо закрыла дверь. Добравшись до своей спальни, схватила телефон и посмотрела время. Было немного больше восьми утра. От Хлои пришло несколько сообщений из Нью-Йорка, от Билла — ничего, потому что ночью я наконец заблокировала его, и уже одно это немного улучшало настроение. Оставалось избавиться от ощущения, что меня целиком обмазали стыдом.

Душ казался реально хорошей идеей. Я взяла чистую одежду и направилась в ванную, по дороге собирая волосы в небрежный пучок. Дверь была прикрыта, но не заперта. Я толкнула её плечом, зашла внутрь и первым делом положила вещи возле раковины. И только потом я услышала шум воды. Сонный мозг отреагировал с задержкой. Я подняла голову, и увидела, что за прозрачной перегородкой душевой кабины стоял голый мужчина.

Несколько секунд я вообще не двигалась. Он стоял ко мне

боком под водой, одной рукой проводя по мокрым волосам. Чёрные пряди прилипли ко лбу и вискам, вода стекала по шее, широким плечам и хорошо очерченной спине. Высокий. Не перекачанный до состояния человека, который проводит в спортзале половину жизни, а просто очень хорошо сложенный: широкая грудь, сильные руки, узкая талия, ровный живот. Судя по всему, с физической активностью Эш дружил куда лучше, чем я после четырёх лет университетского режима.

Наверное, именно в этот момент следовало развернуться, но я не развернулась.

Вода стекала по его телу, и взгляд совершенно предательски опустился ниже живота. Я успела понять достаточно, чтобы щеки обдало жаром, но вместо того, чтобы немедленно посмотреть куда угодно — на потолок, плитку, собственные ноги, — задержалась ещё на пару секунд. Очень содержательных секунд.

Мужчина спокойно выключил воду и повернул голову. Карие глаза встретились с моими, но никакого испуга или попытки прикрыться не последовало. Эш лишь посмотрел на меня немного внимательнее, словно пытался определить, сколько именно времени я уже нахожусь в ванной. Потом уголок его рта медленно поднялся.

— Я могу подойти ближе, — совершенно спокойно предложил он. — А то отсюда, боюсь, ты могла не всё рассмот-

реть.

Меня будто током ударило!

Я резко подняла взгляд к его лицу. Чёрные мокрые волосы лежали в полном беспорядке, на подбородке темнела лёгкая щетина, черты лица были правильными, но не мягкими. Чёткая линия челюсти, прямой нос, тёмные брови и глаза, в которых сейчас совершенно откровенно читалась насмешка.

Так вот значит какой Эш!

— Я… я не знала, что здесь кто-то есть.

Гениально, Кайли.

Он взял полотенце, и тут я вдруг осознала, что продолжаю стоять посреди ванной.

— Из... вини... те... Извините!

Я схватила свою одежду и вылетела в коридор настолько быстро, что едва не ударилась плечом о дверной косяк.

Стремительно ворвавшись в спальню, я прижалась спиной к двери.

— Господи!

Перед глазами совершенно некстати снова возникла душевая.

Нет, не думать об этом!

Я отошла от двери, потом вернулась обратно, затем начала ходить между кроватью и окном.

Хлоя говорила, что он приедет в пятницу, но ведь сегодня только среда, почему он здесь? И куда хуже — когда он приехал? А если ночью…

Я остановилась. Нет-нет-нет! Если Эш приехал ночью, значит, первым делом мог зайти в собственную комнату. А там я, в его кровати!

Я закрыла лицо ладонями.

— Только не это...

Следующий час я провела в своей комнате, причём душ пришлось отложить до тех пор, пока я не услышала, как Эш вышел из ванной и прошёл по коридору. Даже после этого я подождала ещё десять минут, словно он мог передумать и вернуться.

Холодная вода немного помогла. По крайней мере, когда я снова оказалась у себя, сердце уже не колотилось от одного воспоминания о его теле.

Почти.

Около десяти я поняла, что прятаться в спальне весь день всё равно не получится. Во-первых, хотелось кофе. Во-вторых, мне требовалось узнать, видел ли Эш меня ночью, иначе я буду сходить с ума каждый раз, когда он на меня посмотрит.

Я переодевалась трижды.

Потом разозлилась на себя и остановилась на обычных джинсах и светлой футболке. Я не собиралась на свидание. Это был брат Хлои, с которым мне предстояло два месяца жить под одной крышей. Его внешность вообще не должна была меня интересовать.

Убедив себя в этом примерно настолько же успешно, на-

сколько ночью убеждала, что залезаю в его комнату исключительно ради безопасности, я вышла. Эш был на кухне, уже полностью одетый, слава всем существующим богам. Он стоял возле кофемашины спиной ко мне и что-то просматривал в телефоне. На нём были тёмные брюки и белая рубашка с закатанными до предплечий рукавами. Часы на запястье выглядели дорогими, но не броскими — примерно так же, как всё остальное в его комнате.

В одежде он оказался ничуть не менее привлекательным. Высокий, широкоплечий, собранный. Чёрные волосы уже немного подсохли, но всё ещё лежали небрежно, и это почему-то шло ему намного сильнее идеальной укладки. Двигался он спокойно, без лишней суеты. Я мгновенно поняла, почему Хлоя однажды вскользь сказала, что её брат никогда не испытывал недостатка в женском внимании. Такому мужчине для этого вообще не требовалось ничего делать.

Он заметил меня и убрал телефон.

— Доброе утро.

От его спокойствия стало ещё неловче.

— Доброе.

Я села за кухонный остров.

На плите стояла сковорода, рядом лежали тосты, авокадо, яйца и тарелка с фруктами.

— Ты завтракала?

— Нет.

— Кофе?

— Да, пожалуйста.

Эш взял вторую чашку.

— Молоко?

— Немного.

Он ничего больше не спрашивал. Просто приготовил кофе, поставил передо мной, затем переложил на тарелку тост, яйца, немного бекона и добавил несколько ягод.

Я посмотрела на всё это.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Чёрт.

Я ожидала чего угодно: подколов, напоминания о душе, может быть, неловкости. Но Эш вёл себя так, словно голая встреча в ванной была самым обыкновенным началом знакомства. Он сел напротив, сделал глоток кофе и какое-то время спокойно завтракал.

Тишина затягивалась и я уже собиралась сказать хоть что-нибудь, когда Эш поднял взгляд.

— Это был твой первый раз?

Я подавилась кофе.

— Ч-что?

Он совершенно невозмутимо продолжал смотреть на меня.

— Первый раз.

— Я поняла слова. Я не поняла, о чём именно ты спрашиваешь.

— Голое мужское тело. По твоей реакции утром у меня сложилось впечатление, что я первый мужчина, которого ты увидела без одежды.

Я медленно поставила чашку, а щёки снова загорелись. Эш приподнял бровь.

— Я просто растерялась.

— Допускаю такой вариант тоже, но тогда мне не ясен твой ярко выраженный интерес.

Он спокойно отрезал кусочек тоста.

Вот же засранец!

— И нет, — добавила я. — Ты не первый голый мужчина в моей жизни. Если эта информация настолько важна для твоего завтрака.

— Теперь мне гораздо спокойнее.

— Рада помочь.

Кажется, первая волна стыда начала уступать место раздражению, и это было даже приятно. Сердиться на Эша оказалось гораздо удобнее, чем сидеть перед ним красной и молчаливой.

— Вообще-то, я не ожидала увидеть тебя здесь сегодня. Хлоя говорила, что ты прилетишь в пятницу.

— Так и планировал. Вчера вечером позвонил адвокат, освободилось окно в офисе окружного регистратора на сегодня утром. Если бы отказался, следующий нормальный вариант был через три недели, а я не хочу столько времени торчать здесь из-за нескольких подписей. Пришлось брать ноч-

ной рейс.

Вот оно что.

Я постаралась, чтобы лицо осталось нормальным.

— И во сколько ты приехал?

Эш посмотрел на часы, вспоминая.

— Около пяти.

Я почувствовала, как внутри всё медленно проваливается, ведь в это время я уже точно спала. В его кровати.

Спросить очень хотелось и одновременно совершенно не хотелось. Я взяла вилку и несколько секунд бессмысленно перекладывала кусочек яйца с одного края тарелки на другой.

Эш наблюдал за мной.

— Ты хочешь что-то спросить?

— Нет.

— Хорошо.

Он снова принялся за завтрак.

Я продержалась секунд десять.

— Ладно, да.

На губах Эша появилась едва заметная улыбка.

— Я слушаю.

— Когда ты приехал… ты заходил в свою комнату?

— Конечно.

Я мысленно попрощалась с достоинством.

— И…

— Видел ли я тебя спящей в моей кровати?

Я замерла.

— Да.

— Видел.

Мне захотелось исчезнуть, а Эш выглядел слишком довольным.

— Я могу объяснить.

— Не сомневаюсь.

— Я просто ночью не могла уснуть, случайно зашла…

Он поднял бровь.

— Случайно?

— Не цепляйся к словам. Потом включился телевизор, и я…

— Тоже случайно?

Я раздражённо выдохнула, а Эш спокойно отпил кофе.

— Да не переживай, я прекрасно понимаю, почему тебя в итоге вырубило. Фильм хороший. У меня вообще прекрасный вкус на подобные вещи.

Если до этого я считала, что краснее стать невозможно, то сильно ошибалась!

Я закрыла глаза. Хотелось постучаться лбом о столешницу.

— Если тебя утешит, я не буду спрашивать зачем тебе понадобилось смотреть его именно в моей кровати.

Это совершенно меня не утешало.

— Это была случайность. Правда. Я не собиралась там спать.

Эш перестал улыбаться. Не резко, но в его выражении появилось что-то более серьёзное.

— Я понял. И хоть всё это довольно забавно, но давай договоримся об одной вещи: не заходи больше в мою комнату без разрешения.

Я сразу кивнула.

— Да. Конечно! Извини. Я понимаю, что это было неправильно.

— Отлично.

Никаких лекций и никакого недовольства.

В итоге, я быстро доела завтрак, допила кофе, поблагодарила его и вернулась к себе раньше, чем Эш успел придумать новый вопрос о моей сексуальной биографии.

Закрыв дверь, я несколько секунд смотрела на неё. Он знал. Причём знал почти всё, что мог узнать, не присутствуя непосредственно ночью. История просмотра? Господи, почему я не подумала об истории просмотра?!

Я села за ноутбук и решительно открыла портфолио. Всё, на сегодня достаточно Эша! Мне требовалось занять мозг чем-нибудь, что не имело отношения ни к его голому телу, ни к его кровати, ни к проклятому телевизору.

Работа подошла идеально. Портфолио, которое ещё вчера казалось почти законченным, сегодня внезапно начало раздражать. Я поменяла обложку, убрала два слабых университетских проекта, переделала описание айдентики для маленькой кофейни, которую разрабатывала на последнем кур-

се, и добавила макеты упаковки. Потом занялась презентацией проекта для косметического бренда: поправила сетку, уменьшила количество текста и переставила несколько изображений. Чем дольше я работала, тем меньше места в голове оставалось для утреннего позора.

К обеду я уже собрала новую версию портфолио, которая нравилась мне гораздо больше старой. Затем началась рассылка.

Большие агентства пугали требованиями опыта, которого у меня пока не было, поэтому я решила не ограничиваться вакансиями. Нашла несколько небольших дизайн-студий в Сан-Франциско и написала им напрямую. К каждому письму старалась добавить пару предложений именно о студии, а не отправлять одинаковый безликий текст двадцати людям.

Одной из них была **S7-art**. Небольшая студия занималась брендингом, упаковкой и визуальными концепциями для ресторанов, косметики и локальных брендов. На сайте мне особенно понравился проект для сети маленьких пекарен: ничего перегруженного, приятная типографика, красивые цвета, упаковка, которую действительно хотелось взять в руки.

Я отправила письмо, ответ пришёл меньше чем через час.

Сначала я решила, что это автоматическое уведомление, но затем прочитала ещё и ещё раз:

Здравствуйте, мисс Бэннет! Спасибо за портфолио. Нам понравились ваши проекты и то, как вы работаете с айдентикой и композицией. Если вам удобно, бу-

дем рады познакомиться лично завтра в 9:00.

Ниже стоял адрес:

S7-art Studio714 Bryant Street, Suite 306San Francisco, CA 94107

Я перечитала письмо раза четыре.

Потом ещё раз.

— Да!

Я вскочила с места настолько резко, что кресло отъехало назад.

— Первое настоящее собеседование!

Я тут же написала, что обязательно буду, добавила встречу в календарь и открыла сайт студии ещё раз, теперь уже с совершенно другим интересом. Нужно изучить проекты, посмотреть команду, подготовиться к вопросам и решить, что надеть.

В реальность меня вернул урчащий желудок. Я посмотрела на время и удивилась — было уже почти девять вечера! Кроме завтрака, который приготовил Эш, я за весь день ничего не ела, нужно пробраться к холодильнику.

Я вышла в коридор и остановилась: в квартире стояла тишина. Интересно, он вообще дома? Я подошла к двери его комнаты и постучала. Ответа не было. Подождала. Постучала ещё раз.

— Эш?

Тишина.

После утреннего разговора открывать дверь совершенно

не следовало и я это прекрасно понимала. Но мне хотелось всего лишь убедиться, что его нет, чтобы спокойно включить музыку и не думать, мешаю ли кому-нибудь.

Я осторожно приоткрыла дверь.

— Эш?

Комната была пустой. Я заглянула внутрь ровно настолько, чтобы увидеть кровать, диван и закрытую дверь балкона, после чего сразу отступила.

Никого.

На этот раз никаких расследований!

Я закрыла дверь и выдохнула с неожиданным облегчением, квартира снова принадлежала только мне, хотя бы на вечер.

Я негромко включила колонку и открыла холодильник. Хотелось чего-нибудь сытного, но не такого, чтобы провести возле плиты час. В итоге достала бекон, рис, зелёный лук, чеснок, яйца и несколько соусов, которые купила вчера. Бекон первым отправился на сковороду, а уже через несколько минут кухня наполнилась запахом жареного мяса, и голод стал совершенно невыносимым. Я переложила хрустящие кусочки на тарелку, в оставшийся жир добавила чеснок, затем уже сваренный рис. Немного соевого соуса, капля острого, яйцо, зелёный лук — ничего сложного, но выглядело гораздо лучше, чем очередной бутерброд.

Я двигалась по кухне уже увереннее, чем в первый вечер. Знала, где находится большая сковорода, откуда взять соль,

в каком ящике Хлоя хранит лопатки. Даже чашку выбрала ту же, из которой пила кофе вчера. Наверное, именно тогда квартира начала понемногу становиться привычной.

Я поужинала за островом, время от времени поглядывая на коридор. Куда всё-таки делся Эш? Может, действительно занимается этими документами, или встретился с кем-то, или вообще уехал по работе. Мне это было совершенно не важно, поэтому я подумала об этом ещё раза четыре.

После еды я убрала тарелку в посудомойку, протёрла столешницу и выключила колонку. Завтра нужно было рано вставать, привести себя в нормальный вид и не опоздать на первое собеседование, поэтому остаток вечера хотелось провести спокойно.

Я открыла дверь своей спальни и застыла: Эш лежал на моей кровати прямо поверх покрывала, совершенно расслабленно устроившись на подушках! В одной руке держал пульт от моего небольшого телевизора, второй лениво листал что-то в телефоне.

Я вскрикнула.

— Какого чёрта?!

Эш поднял голову.

— О, ты закончила ужин.

— Что ты делаешь в моей комнате?

Он посмотрел на телевизор, потом снова на меня.

— Решил фильм посмотреть.

Я не сразу уловила выражение его лица, а потом заметила

лубрикант и упаковку салфеток возле подушки.

— Ты издеваешься?!

— Что? Я хорошо подготовился.

— Эш!

Он рассмеялся.

— Не очень удобная у тебя кровать, теперь понимаю, почему тебе понравилась моя.

— Немедленно встань и выйди отсюда!

— Но я только устроился!

Он отложил телефон и совершенно демонстративно потянулся к ремню.

Я уставилась на него.

— Даже не думай!

— Я уже начал возбуждаться.

— Всё! Я поняла!

Эш остановился, а я раздражённо указала на дверь.

— Поняла. Я не буду больше заходить в твою комнату. Никогда. Даже если оттуда будет идти дым, я сначала позвоню пожарным и только потом подумаю, стоит ли открывать дверь. Доволен?

Он несколько секунд смотрел на меня, после чего улыбнулся.

— Вполне.

Эш поднялся.

Когда он оказался рядом, я снова заметила разницу в росте. Приходилось чуть запрокидывать голову, чтобы смот-

реть ему в лицо, и это почему-то раздражало дополнительно.

— Тогда уходи.

Но вместо того чтобы пройти мимо, Эш остановился передо мной. Его пальцы легко коснулись моего подбородка и чуть приподняли его.

От неожиданности я замерла. Карие глаза смотрели прямо на меня, и насмешка в них никуда не исчезла.

— Надеюсь, урок усвоен.

Я отдёрнула голову.

— Убери руки.

Он сразу отпустил.

— Спокойной ночи, Кайли.

— Она станет гораздо спокойнее, когда ты выйдешь.

Эш тихо рассмеялся и наконец ушёл.

Я захлопнула дверь. Потом снова открыла её и посмотрела в коридор, чтобы убедиться, что он действительно ушёл. Эш как раз заходил к себе.

— И больше не приходи!

Он даже не обернулся.

— Взаимно.

Его дверь закрылась, а я вернулась в спальню и уставилась на кровать. Салфетки он оставил.

— Засранец!

Я схватила упаковку и бросила её на стол.

Самое раздражающее заключалось в том, что Эш был прав: я залезла в его комнату без разрешения. Если убрать

из ситуации моё возмущение, его маленькая месть выглядела вполне заслуженной. Но обязательно ли было делать это именно так? Ещё брать меня за подбородок с этим своим «надеюсь, урок усвоен»?

Я снова почувствовала его пальцы на коже и тут же разозлилась на себя.

Нет!

Красивое лицо не даёт мужчине права вести себя как самодовольный придурок. Великолепное тело тоже. И карие глаза. И эта дурацкая улыбка.

Я переоделась, забралась под одеяло и взяла телефон. Хлоя наверняка ещё не спала: в Нью-Йорке было уже поздно, но она всегда ложилась гораздо позже меня.

Я открыла наш чат.

Твой брат приехал раньше.

Ответ появился почти сразу.

Серьёзно? Уже познакомились?

Я посмотрела в сторону двери, хмыкнула, затем напечатала:

Да. И твой брат тот ещё засранец!

Три точки появились мгновенно.

АХАХАХА. Что он сделал?

Я задумалась.

Рассказывать Хлое правду означало сначала объяснить, почему я спала в кровати её брата.

Нет, к этому уровню честности наша дружба пока не была

готова.

Долго рассказывать. Завтра. У меня утром собеседование!!!

Ответ пришёл через несколько секунд.

ЧТО?! КАЙЛИ!!! ПОЗВОНИ МНЕ СЕЙЧАС.

Я улыбнулась.

Вот эту часть вечера обсуждать хотелось гораздо больше, а Эш пусть хотя бы до завтра останется за закрытой дверью.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.